Р2
Г-53

Кр. Г-53

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Анатолий ГЛЕБОВ

НЕДЕЛЯ

М344522

ТРАНСЖЕЛДОРИЗДАТ 1942

АНАТОЛИИ ГЛЕБОВ

Бр Г-53

НЕДЕЛЯ

NGONB.RU
63883363017091

Областная
БРОШЮРА
№ 344522
Библиотека

В

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ТРАНСПОРТНОЕ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва—1942

„Неделя" Глебова — один из очерков бригады писателей, выезжавших по заданию издательства на фронт. В очерке описывается героическая борьба железнодорожников крупного прифронтового узла с фашистскими налетчиками и диверсантами.

Брошюра рассчитана на широкий круг читателей.

В семь часов утра двадцатого июля, в воскресенье, отрывисто загудели паровозы. Завыла тоненьким голоском единственная сирена. Тревога!

Петр Нилович Степанов, сменный мастер паровозного депо, немолодой человек с бледным, изможденным изнурительной болезнью лицом, вышел на крыльцо своего старенького домика, стоящего на глинистом пригорке над путями. Зеленоватые острые глаза его с тревогой вглядывались в безоблачное, сияющее небо.

Ровно четыре недели назад в такое же погожее воскресенье началась война. Для крупного железнодорожного узла Б. ее начало фатально совпало с ... открытием городского парка культуры и отдыха в бывшем имении князя Ш., которое за годы революции оказалось в самом центре разросшегося города.

Не успели открыться свежеокрашенные ворота парка, как зазвучала по радио памятная речь товарища В. М. Молотова... Петру Ниловичу невольно вспомнился этот

день. Так же ясно было летнее утро, так же радовала глаз голубизна знакомого с детства озера...

Вдруг Петр Нилович вздрогнул и от волнения схватился рукой за изгородь, отделяющую его двор от соседского огорода. Он увидел вблизи солнца, в слепящем сиянии лучей неясные, быстро скользящие за облачной дымкой очертания трех самолетов, стремительно пикирующих прямо на узел.

Сердце заколотилось в груди старого машиниста. С пригорка ему прекрасно видны были все парки станции. Десятки товарных и несколько пассажирских составов стояли на запасных путях. Сколько дней уже рабочие узла только и говорили об этом! Опасались, как бы не было несчастья при таком скоплении вагонов. Начальник станции соглашался с этим, но медлил с принятием мер, ссылаясь на то, что-де запаздывает документация. А беда—вот она, буквально уже над головой!

Внезапно словно продолговатые искры оторвались от самолетов и тотчас исчезли. Это блеснули на мгновение в лучах солнца сброшенные бомбы и сразу стали невидимыми от возросшей скорости падения. Послышался противный, леденящий сердце свист, и через каких-нибудь пять-шесть секунд Степанов услышал грохот. В нескольких местах взметнулись черные столбы

земли и дыма. Один из столбов поднялся, как показалось мастеру, прямо над веерным депо.

Петру Ниловичу сегодня не нужно было итти на работу. Однако он, что-то взволнованно прокричав выбежавшей жене, бегом бросился к депо.

Утренняя смена еще не пришла. Но люди в депо уже были. Первым, как обычно, явился секретарь партбюро паровозной бригады Александр Михайлович Бубнов—скромный, спокойный человек с сильной проседью в черных жестких волосах. В течение многих лет профсоюзной и партийной работы на транспорте он привык приходить в цех раньше смены, чтобы предупредить возможные неполадки. На этот раз похвальная привычка Александра Михайловича оказалась как нельзя более кстати. Не успел он, продолжая слушать утреннюю радиосводку, выглянуть в окно, чтобы увидеть причину тревоги, как раздавшийся свист перешел в дикое завывание и тут же раздался совсем рядом оглушительный удар. Ходуном заходило здание. Зазвенели выбитые стекла. Круто покачнувшись несколько раз, каким-то чудом устоял на месте графин с водой. Бубнов не отрывал оцепеневшего взгляда от продолжающей плескаться внутри графина воды. Его привел в себя чей-то крик.

Выскочив тотчас наружу, он увидел на путях несколько рабочих. Бомба попала в один из цехов. Бросились туда. Цех весь был завален обломками крыши. Станки, пол, стены покрылись густой красновато-серой пылью. Кто-то обнаружил тело убитого машиниста В. И. Угловского. Потом нашли под обломками работника депо В. Аполлонова. Подбежав к нему, Бубнов увидел лужу крови, изорванную, окровавленную штанину... Аполлонову оторвало ногу.

Секретарь партбюро бросился к телефону, вызвал врачебную помощь. Взгляд его упал на часы. Сейчас придет смена! Как большевик он обязан немедленно сделать все, чтобы не задержать ударной работы для фронта. И, собрав людей, оказавшихся под рукой, Бубнов энергично занялся расчисткой рабочих мест и приведением цеха в порядок. Вот уже восемь. Быстро сходилась встревоженная смена. Узнав о несчастье, рабочие бросились помогать Бубнову, и через двадцать минут цех приступил к обычной работе. В восемь тридцать уже поставили на промывку очередной паровоз. Отлично вел себя в эти минуты, помогая Бубнову, секретарь цехового партбюро, приемщик НКПС Дмитрий Иванов. Распоряжаясь деловито, без суетни, он сразу создал в цехе спокойную рабочую обстановку.

Это было первое серьезное боевое крещение узла, первые жертвы войны. Одиноч-

ные налеты врага, правда, бывали уже и до этого, но не причиняли сколько-нибудь существенного ущерба. Узел Б. находился еще в глубоком тылу, и никому не приходило в голову, что фронт может приблизиться вплотную. Сегодняшний случай заставил, однако, самым серьезным образом вдуматься в неоднократно уже повторявшиеся настойчивые призывы советской и партийной печати о борьбе с благодушием, о необходимости изжить настроение мирного времени, перестроить всю работу подлинно по-военному. Идя вечером домой, Бубнов с особенной тревогой поглядывал вокруг на вереницы вагонов, скопившихся на узле. Кто знает, какие грузы скрываются под пломбами? Что, если сегодня ночью или завтра опять повторится налет?

Хотя это и не имеет прямого отношения к служебным обязанностям Бубнова как паровозника, но необходимо завтра же самым серьезным образом поставить в парторганизации вопрос о разгрузке узла.

Однако нового налета не было ни ночью, ни на следующий день. Это вновь успокоило тех, кто еще не изжил беспечности мирного времени. К сожалению, среди них был и начальник станции. Но следующее же утро вновь напомнило ему и другим о грозной опасности.

Снова около семи часов утра вражеские самолеты небольшой группой прорвались к

узлу и сбросили бомбы. На этот раз были нанесены некоторые повреждения и пострадало несколько паровозов и вагонов, в частности четырехосный вагон, груженный бельем. Силой взрыва белье взметнулось на телеграфные провода и долго трепыхалось там на ветру, словно сигнализируя о бдительности людям, которые ее утратили.

Вечером назначено было совещание партийно-хозяйственного актива узла, которое, вероятно, занялось бы вопросом о разгрузке парков, если бы... события его не предупредили. Начальнику станции пришлось жестоко поплатиться за свою беспечность, как и военному коменданту. Люди узла получили боевой урок, который огненным тавром врезался в их память на всю жизнь и способствовал превращению всего коллектива в закаленную, бесстрашную, готовую к любым боевым случайностям крепкую организацию.

* * *

Петра Ниловича Степанова налет застал на этот раз в депо. Подобно Бубнову, он пришел часа за полтора до смены, чтобы почитать газеты, послушать радио, поговорить с товарищами, заранее порасспросить машинистов о ставящихся на ремонт паровозах. Еще не начало смеркаться — было минут двадцать восьмого. Разговорившись

с одним машинистом, командированным с дальней сибирской дороги, Петр Нилович узнал, что машинист встречал Сергея Мироновича Кирова, и сам, необычайно оживившись, стал рассказывать ему о своих встречах с Миронычем. В свое время Степанов как „двадцатипятитысячник" был направлен в колхоз. Без отрыва от производства, продолжая ездить на паровозе, он одновременно состоял председателем ближнего колхоза и работал так образцово, что партийная организация делегировала его на XVI партийный съезд.

В жаркий июльский день, вот такой же, как сейчас, машинист Степанов шел по оживленным улицам Москвы. А в мандатной комиссии, как только он назвал свою фамилию и предъявил документы, к нему подошел, улыбаясь, коренастый подвижной человек, в котором он сразу признал Кирова, и, поздоровавшись, стал расспрашивать о работе, о колхозе, о настроениях там и на железной дороге. Во время их разговора в дверях появился высокий черноусый человек с внимательными темными глазами. Киров сейчас же подозвал его.

— Лазарь Моисеевич! Вот познакомься с товарищем Степановым. Машинист и колхозник. Очень интересные факты рассказывает...

В дни съезда Степанов не раз еще беседовал с Кировым, руководившим ленинград-

ской делегацией. Виделся он с ним и позже по делам узла и города.

... Городок Б., в дооктябрьские времена бывший лишь местечком (две-три церкви, несколько магазинов, трактиров, железнодорожное училище, депо), за годы революции превратился в центр передового колхозного района, начал походить на настоящий город. Появились большие каменные дома, театр, два парка культуры, несколько прекрасных школ, больниц, стадион.

Особенно расцвела художественная самодеятельность района. Несколько лет назад на местный фестиваль самодеятельного искусства даже приехали из Москвы несколько крупнейших артистов Художественного театра. Ежегодно в городе устраивались выставки картин местных художников-самоучек, насчитывавшие до 400—500 полотен. Картина одного из них, Митягина, „Панорама города Б." была в 1929 году отмечена в Париже на международной выставке произведений молодых художников.

Город изображен на ней со стороны озера, на берегу которого он расположен. Раннее летнее утро. В голубовато-серой, еще дымчатой воде отражаются городские строения противоположного берега. Над ними возвышается водонапорная башня, розовая в свете утреннего солнца. Теплая свежая зелень,

Лодка и две-три фигуры у ближнего берега Ясный, светлый, радостный мир. Здесь, на этом берегу, спокойный мощный расцвет родной русской природы, русского лета. Там, в городе, спокойный мощный расцвет труда, созидания. Автор сделал увеличенную копию ее для местного железнодорожного клуба.

Выученик той же студии, бывший помощник машиниста Александр Архипов сделал в местном театре декорации пьес „Бесприданница“ и „Огни маяка“, поставленных приглашенным в Б. крупным московским режиссером. Одновременно Архипов был директором Дома культуры и он же организовал тот самый второй парк культуры и отдыха, который так неудачно открылся в день войны...

Так шла в городе жизнь. Так он рос. Так росли, так осмысленно, творчески, ярко жили в нем люди. Архипов—лишь один из тысяч.

И все это вдруг негаданно оборвала военная гроза, наглое, ничем не вызванное нападение фашистских захватчиков!..

... Увлекшись разговором, Степанов и его собеседник не слышали свиста бомб. Вдруг загрохотало неподалеку, дрогнуло здание, воздушной волной взметнуло к потолку занавески в выбитых накануне окнах. Все, бывшие в помещении, замерли, онемели.

И в этой напряженной тишине еще оглушительнее прозвучал второй такой же удар, которому уже ясно предшествовал отвратительный свист. Встревоженный Степанов вскочил и выбежал наружу.

Метрах в тридцати пяти над расщепленным краем грузовой платформы стояло густое черное облако. Первым переживанием Степанова был не испуг, а не передаваемое никакими словами чувство щемящей обиды, исступленной досады, от которой комок подкатился к горлу и на глазах выступили слезы. Он ведь тоже, как и многие рабочие, все эти дни волновался за родной узел и при каждом удобном случае требовал принятия мер к его разгрузке.

— Как допустили, не заметили?!—бормотал Петр Ниловнч, до боли сжав кулаки.

Его слова потонули в грохоте новых разрывов: ударило где-то за нефтяными баками и со стороны парка „Добро“. Спустя несколько мгновений горячая взрывная волна шатнула всех стоявших у депо. Нефтяные баки были давно уже опорожнены—Степанов это знал,—но пламя все-таки занялось где-то за ними, видимо в городе. А над путями оно взметнулось сразу высоким желтоватым фонтаном и показалось над стоящими около угольной эстакады платформами, груженными круглым лесом.

Люди настороженно смотрели в вечере-

ющее небо, ожидая падения новых бомб. Но шестерка вражеских самолетов, разделившись на два звена, уже удалялась, очевидно опасаясь советских истребителей. Вслед им били зенитки, а новых самолетов не было видно. Степанов смотрел на разгорающийся кругляк и вдруг увидел, что к горящим платформам и порожняку прицеплены восемь большегрузных вагонов американского типа, запечатанных особыми пломбами. Степанову известно было их содержимое: груз огромной взрывной силы! Не успел Петр Нилович полностью ориентироваться в обстановке, как послышались новые глуховатые разрывы, сначала редкие, потом все более частые, нарастающие, точно стремительно налетающий ураган.

— Зенитки!—крикнул кто-то.

— Откуда ж их столько взялось вдруг?—удивился Степанов.

Внезапно что-то с резким свистом пронеслось мимо и со страшной силой грохнуло о стену депо.

— Снаряды рвутся!—раздался чей-то голос.

„Так оно и есть“,—понял Степанов и немедленно стал отправлять в ближнее убежище выбежавших из депо людей: оператора, статистика, табельщика и других. Кое-кто бросился обратно в дежурку. Кинулся туда и Степанов, подчиняясь общему дви-

жению. Но, захлопнув за собой дверь последним, Петр Нилович опомнился. Ему стало неловко перед самим собой. Что же там делается, снаружи, на самом деле? Надо же узнать, что-нибудь делать! Он попытался открыть дверь, но вынужден был захлопнуть ее опять—осколки стали колотить по ней градом, а один из них вонзился в филенку, расщепив ее. Выйти не было возможности. Все-таки Степанов приоткрыл дверь немного и в узкую щель стал смотреть наружу. Зарево разрасталось с каждой секундой. Все гуще делались столбы черного дыма над путями, такого плотного, что, казалось, его можно ощупать. Все сильнее становилась канонада, перешедшая уже в сплошной грохот и гул.

Степанова пронизала мысль: а что, если несчастье перекинется к соседнему посту, где, как он знал, особенно много вагонов с огнеопасными грузами. Конца не будет бедствию! Вдруг что-то грузное, влетев в окно, грохнулось об пол. Кто-то вскрикнул. Потом все онемели. Посреди дежурки, тускло поблескивая, лежал артиллерийский снаряд. Но он не взорвался. Оправившись от испуга, Петр Нилович бросился к телефону. Узнать хотя бы, продолжается ли еще налет?

Телефонистка ответила сразу. Он узнал голос Александровой, молодой женщины,

несколько лет назад выдвинутой на эту работу из сезонниц.

— Любовь Ивановна?

— Я.

— Что у вас делается?

— У нас ничего особенного. Мне ничего не видно. Только стекла вылетели.

— Работаешь, значит?

— Конечно, работаю.

Степанову приятно было слышать спокойный голос молодой женщины. Он попросил соединить его с одним номером, другим, третьим. Никто не отвечал. Значит, все были уже на путях. Выглянув в окно, Петр Нилович увидел совсем рядом горящий вагон, груженный смолой и толем. Еще секунда, и взметенные с него ветром искры зажгли не защищенные стеклами занавески.

— Пожар!—закричал кто-то.

Комната наполнилась едким дымом. Степанов сорвал горящие занавески и стал топтать их ногами. На помощь ему тотчас прибежал второй дежурный П. А. Андреев, железнодорожник с полувековым стажем; притащив ведро воды, он стал заливать вспыхнувшие остатки оконных переплетов.

Другие обнаружили, что загорелся чердак, бросились туда и стали ломать крышу. Первоначальный страх как рукой сняло. Огонь сбили быстро. Заканчивая борьбу с ним, Петр Нилович вдруг услышал голоса сна-

ружи, со стороны поворотного круга. Это окончательно его успокоило. Значит, можно ходить по путям и там есть живые люди! Не раздумывая, он вылез в окно и увидел трех человек. Одного он узнал. Это был начальник депо соседней станции.

— Товарищи! –бросился к ним Степанов.— Помогите тушить вагон с толем! И вон те восемь вагонов под угольной эстакадой давайте вывезем. Если их не оттащим, беда будет!

Но куда отводить вагоны? И как?

За эстакадой, в направлении к станции, все в огне. Горит даже земля—воспламенилась разлившаяся нефть. Пылает головная часть состава—кругляк на платформах. Уже занимается от него порожняк, и вот-вот огонь подберется к восьми опаснейшим вагонам!

Можно вывезти только направо, но и тут мешает состав, состоящий из смазочных цистерн. Остается одно: оттаскивать вагоны через поворотный круг, повернув его на свободный путь.

Приняв такое решение, Петр Нилович, не обращая уже никакого внимания на продолжающие свистеть вокруг осколки, спотыкаясь, падая, вновь поднимаясь, бегом бросился к кругу. Рабочего, управляющего кругом, на месте не оказалось. Петр Нилович проработал на транспорте три десят-

ка лет, но ему ни разу еще не доводилось самому поворачивать круг. Однако, повозившись две-три минуты, он овладел механизмом. Осталось найти паровоз. Степанов заметил за депо маленький резервный паровозик под парами. Кинулся к нему, вновь перевел круг и подвел паровоз к вагонам, но тендер оказался без стяжек. Пришлось кое-как прицепить вагоны к паровозику цепью. Отцепив большегрузные вагоны от горящего состава, Степанов оттащил их от огня. Но паровозик быстро выдохся, беспомощно забоксовал. Стали наспех заправлять его досками, щепой, всем, что нашлось под руками. Но ждать было некогда.

„Что же делать?!“

Вдруг Степанов увидел большую группу красноармейцев, бежавших к пожару. Остановив командира, лейтенанта авиации, мастер объяснил ему положение, прося немедленно перекатить вагоны через круг вручную поодиночке, чтобы потом уже отправить их дальше.

Лейтенант энергично взялся за дело. Степанов стал к кругу. Подталкиваемые десятками рук вагоны один за другим въезжали на круг. Петр Нилович направлял их на свободный путь. Ежесекундно опасный груз мог взорваться от детонации, от любого случайного осколка и уничтожить все вокруг, но Степанов, забыв обо всем на свете, кро-

ме того, что нужно спасти для страны, для армии эти вагоны, мужественно делал свое дело. Болезненное лицо его посерело от волнения, бледные губы искривила судорога невероятного напряжения. Лишь когда последний вагон благополучно прокатился мимо него через круг, Петр Нилович вздохнул шумно и облегченно.

Неподалеку горела пескоподача. Около нее осталось еще несколько горящих вагонов с лесоматериалами, и под самой эстакадой стоял паровоз Э^{Ш}, на который никто в суматохе не обратил внимания. Руководивший работой лейтенант авиации бросился туда. На одной из платформ он заметил неповрежденный груз из ведер, лопат, фонарей, досок—военное имущество.

— Давайте, товарищи, вытащим!

Бойцы и железнодорожники, среди которых выделялся человек огромного роста с могучими руками, котельный мастер П. Иванов, бросились к вагонам.

Сбрасывали с них горящие бревна и доски. Подлезая под вагоны, в нестерпимом жару расцепляли платформы, вцепившись в них сотнями рук, отделяли одну от другой. На Иванова, который прославился на узле тем, что влезал в раскаленные до ста градусов топки паровозов и сменял там колосниковые решетки, не прикрывая даже себе лица, жар пожара почти не действовал.

— А паровоз?!—крикнул кто-то.

И два человека тотчас вскочили на него. За машиниста встал диспетчер Суханов, помощником—заместитель начальника станции по коммерческой части Ширалев.

Застигнутый первыми взрывами у дверей конторы, перевернутый воздушной волной и отброшенный под вагон, Ширалев быстро пришел в себя, ориентировался в происшедшем, разыскал Суханова и вместе с ним успел уже сделать на других паровозах несколько рейсов, вывезя из опасной зоны не один десяток вагонов. После этого они прибежали к пескоподаче и вместе с другими занялись откаткой вагонов вручную. Паровоз был под парами. Оба взобрались в будку. Щурясь от огня, пылающего вокруг, Ширалев стремительными бросками стал кидать в топку уголь.

— Стрелку делай!—крикнул ему Суханов.

Но его голос потонул в грохоте обвала. Горящая эстакада рухнула. Ширалев видел только, как двигались запекшиеся, почерневшие губы товарища. Но он понял. Спрыгнув на землю, усыпанную горящими обломками, кинулся к стрелке, схватился за рычаг и ... отдернул руку. Стрелка накалилась так, что ладонь чуть не припеклась к рукоятке. Прикрыв ладонь полой шинели, Ширалев дернул вторично. Но стрелка не слушалась.

— Не подходит перо, Михаил Тихонович! — крикнул Ширалев.

— Ничего! С налета проскочим! Как-нибудь сделай!

Изо всех сил ударив ногой по балансу, Ширалев бегом бросился к паровозу. Суханов дал ход. Поперек пути свисла с крыши горящая балка. Паровоз с ходу врезался в нее. Она затрещала, увлекла за собой другие части крыши. Огненным обвалом, взметая тысячи искр, рухнули бревна, стропила, осыпали весь паровоз. Но все же он проскочил стрелку и через несколько минут был вне опасности, за угольной эстакадой.

Ширалев и Суханов вернулись обратно и стали помогать красноармейцам оттаскивать вручную отдельные вагоны и платформы. Жутко было, вспоминал потом Ширалев, когда в эти минуты он вдруг наступил в суматохе на чье-то тело и, нагнувшись, узнал пожилого рабочего эстакады С. Назарова, убитого осколками и обгоревшего. Но в ту минуту и об этом некогда было думать...

Бежавший с другой стороны по путям Петр Нилович Степанов столкнулся с незнакомым человеком.

— Вы кто? — остановил его этот человек.

— Степанов, дежурный по депо.

— А я Даниленко, уполномоченный по

Н-ской дороге. Кто тут у вас есть из начальников, на этом участке?

— Здесь? Никого. Все в том конце. Тут — один я.

— Чем вам помочь?

— Товарищ Даниленко! Вот те восемь вагонов надо подальше отвести.

Они пошли в дежурку, к телефону. Там еще заливали тлеющий и дымящийся чердак. Вода так и лилась ливнем на обоих, на столы, койки, но Даниленко и Степанов не обращали на это внимания. Уполномоченный созвонился с соседним депо. Немедленно оттуда выслали паровоз и увезли четырехосные вагоны с ценнейшим грузом.

Покончив с этим, Степанов вновь побежал на пути. На минутку зашел в постовую будку, к операторше Барашковой. Она мужественно дежурила у телефона, хотя лицо ее было бледно. Выпив залпом несколько стаканов воды и чуточку передохнув, Степанов снова бросился к платформам с горящим кругляком. Их заливали из ведер ставшие цепью красноармейцы и железнодорожники.

Уже стемнело. Пламя нескольких пожаров окрасило облака, зловеще трепетало на них. В стороне не стихал грохот разрывов, непрерывно свистели, визжали, ударялись о рельсы, о вагоны осколки, но уже по всем путям узла бесстрашно сновали люди. Сотни их возились вокруг составов.

Двигались, исторгая кроваво-красный пар, паровозы... Горячая волна радости наполнила сердце Петра Ниловича. Значит, многие работают так же, как он. Значит, не оплошали, не оробели люди.

— Спасем все, что можно спасти!

Преисполненный этим гордым, радостным чувством коллективной борьбы, дружбы и спаянности, Степанов направился к стоявшему неподалеку паровозу Щ, поднял на нем пары, подвел паровоз к горящему кругляку и стал рассредоточивать платформы, добивая из паровозного шланга пламя, полыхавшее на земле, пропитанной текущей из пробитых цистерн нефтью.

* * *

Неподалеку от этого места оказался в тот вечер молодой начальник вагоноремонтного пункта Георгий Цыбулько. Собственно, для него „аврал" начался за двое суток до того, с первой бомбежки. Пришлось провести в цехе два дня и две ночи напряженнейшей работы, исправляя многочисленные мелкие, но существенные повреждения и урывая лишь минуты для еды и нервной дремоты где-нибудь в уголке. Смертельно утомленный Цыбулько вечером собрался домой. Усталой походкой шел он вдоль вагонов. Вот и контора прибытия, полпути до дому.

Еще немного поднажать — и он увидит жену и любимицу-дочь, отдохнет, уснет...

Но тут засвистели бомбы! Инстинктивно Цыбулько забился в канаву за будкой и прижался всем телом к земле. Снова раздался приближающийся свист. Казалось, бомбы падают прямо ему на голову.

Замерло сердце. Секунды казались минутами. Но взрывы загрохотали где-то далеко. Цыбулько приподнял голову. Однако новый, все нарастающий гул разрывов оглушил его. Заколебалась почва. Упругая волна горячего воздуха швырнула Цыбулько, и ему показалось, что наступила полная, поразительная тишина. На самом деле его оглушило. Лишь спустя несколько секунд он вновь услышал грохот, пальбу и женский крик:

— Спасайтесь! Снаряды рвутся!

Две женщины, подобрав юбки, промчались мимо него через пути и скрылись где-то у болота.

— Куда вы подрали?! — кричал им вслед, махая руками, какой-то мужчина.

Это были старший стрелочник Богатырев и его помощницы К. и Ш.

Вокруг еще пуще засвистело, защелкало. Крупный осколок ударился о рельс совсем рядом и пробил его насквозь ниже яблока. Рельс зазвенел мелодично и протяжно. Первым движением Цыбулько было вскочить. Но он сдержал себя. В то же время

очень потянуло оглядеться, узнать, что творится.

За семьдесят или пятьдесят метров стремительно разгоралось яркое зарево. Казалось, оно приближается. Вглядевшись, Цыбулько увидел, что, действительно, огонь движется по земле к нему. Оставаться на месте было невозможно, а поднять голову нельзя: так и колотило кругом.

Что же делать? Молодому инженеру казалось, что прошло уже полчаса, если не больше, а между тем протекли только секунды. Вдруг Цыбулько заметил человека в наркомвнудельской форме, но без фуражки. Он бесстрашно бежал через пути, нырнул под вагон и исчез. Потом вновь появился, уже у паровозов, видимо, разыскивая машинистов. Значит, можно ходить по путям! Цыбулько, преодолевая страх, поднялся и пополз по канаве туда же, к тупичкам парка „Добро". Добравшись до ближайшего паровоза (это оказался ФД), спрятался за ним от осколков. Окликнул бригаду. Из будки никто не ответил. Военный тоже куда-то исчез. А взрывы все нарастали, и огонь ползком по земле подбирался к новым жертвам.

Цыбулько вскарабкался на паровоз. Машина стояла под парами, а бригады не было. Но Цыбулько решил действовать на свой риск.

У этого невысокого сухощавого человека

с тонким, но в то же время волевым профилем и удивительно живыми светлокарими глазами жизненный опыт был гораздо больше, чем позволяла предположить его моложавая внешность. Бывший беспризорник, он много видел, испытал и успел овладеть несколькими специальностями: краснодеревца, слесаря, кочегара, помощника машиниста. Три последние пригодились ему в эту ночь. Но Цыбулько приходилось ездить только на паровозах старых систем, и сложное управление ФД было ему совершенно незнакомо. В первые секунды он растерялся от обилия разнообразной арматуры в будке, но понемногу, однако, разобрался... Насос качает! Воздух есть! Больше всего доставил хлопот пневматический реверс. Но когда Цыбулько управился с ним и, открыв регулятор, увидел, что паровоз двинулся (только увидел, так как ни шипения пара, ни гула колес не было слышно — так грохотало кругом), радость охватила молодого инженера, и вот тут-то он окончательно разделался со страхом.

Он теперь был вооружен для борьбы со стихией!

Подведя ФД к ближайшим цистернам, Цыбулько смело соскочил и сцепил их с паровозом. Затем сам перевел стрелку и увел в безопасное место сорок или пятьдесят огромных светложелтых резервуаров

с черными квадратами, наполненных драгоценным авиационным бензином.

Возвращаясь обратно, уже по другому пути, Цыбулько заметил в небе самолеты. Это были наши. Они кружились над огромным пожарищем, патрулируя вокруг него и не давая врагу вновь воспользоваться огненным ориентиром.

Пламя бушевало во всю. Где-то подальше, за станцией, оно полыхало всеми цветами: голубым, красным, зеленым, и оттуда время от времени вылетали, рассыпаясь в багровом небе разноцветными брызгами, сигнальные ракеты. Густой черный дым навис над узлом и медленно полз к озеру и городу. Продолжали шумно взрываться отдельные цистерны в зоне огня.

Где-то в стороне рвались снаряды, летели осколки, куски исковерканных шпал, рельсов, швеллеров. Паровоз то и дело вздрагивал от ударов.

Вдруг Цыбулько окликнул женский голос. Он обернулся. Девушка в красной шапке дежурного по станции, уцепившись за поручни, стояла на лесенке паровоза и кричала ему:

— Раненых надо вывезти!

— Где они?

— Вон, два состава!

Цыбулько направил паровоз по ее указанию. Составы с ранеными (классный и теп-

лушечный) стояли совсем близко от горящих и рвущихся вагонов.

Прицепив классный состав, Цыбулько повел его на главный Н-ский путь к мосту. Вернувшись, взял второй состав с легко ранеными. Кое-кто из них, успев выбраться из теплушек, уже полз к болоту. Секретарь комсомольского комитета Марина Старосельская, голубоглазая весовщица Катя Андреева, Лиза Архипова и другие дружинницы-санитарки, забыв об опасности, самоотверженно оказывали им помощь, перевязывали новые ранения, возвращали в поезд, а некоторых уже успели отправить в город на подводах. Цыбулько со своей помощницей увез и этот состав. Девушка сразу после этого куда-то исчезла, и Цыбулько так и не успел узнать ее имени.

В это время на паровозе отказал инжектор. Вновь пришлось пустить в ход всю смекалку и слесарный опыт. Удалось! Паровоз опять двинулся, и Цыбулько отвез в безопасное место еще много вагонов и цистерн. Массовые взрывы между тем уже прекратились, изредка хлопали лишь одиночные выстрелы.

Проездив на паровозе до рассвета, сжегши в огне этой бурной ночи двухсуточную усталость, Цыбулько вновь направился к себе в вагонный цех, чтобы узнать, что делается там. Повреждений в цехе не было,

но работы по сверхсрочному ремонту, естественно, оказалось необъятное количество, и Цыбулько, забыв об отдыхе, с головой в нее окунулся. В общей сложности он проработал, не спав, четверо суток! Когда после этого инженер, уже окончательно обессиленный, дотащился домой и повалился на кровать, сон поглотил его мгновенно, как темный омут, и он проспал тридцать часов. Но, засыпая, Цыбулько чувствовал себя удовлетворенным: он сделал все, что мог, и так же самоотверженно, преданно работал весь коллектив узла, вся его родная большая семья.

Александра Михайловича Бубнова новый налет застал в политотделе на совещании. Выбежав оттуда вместе с начальником политотдела Кудрявцевым и другими, он увидел дым над депо. Сердце так и заколотилось. Неужели то, чего он так боялся, стряслось? Не доглядели! Заблагодушествовались! Мимо ушей пропустили указания партии, многократные призывы газет! Но сейчас уже не время было пререкаться с кем бы то ни было. Надо спасать узел! И Бубнов опрометью побежал к переезду.

Несколько станционных работников спешили оттуда навстречу. Крупный сорокалетний человек в военной форме, бывший наркомвнуделец Сергей Железнов, налетев

на Бубнова, схватил его за руки и закричал словно его собственными словами:

— Вот! Дождались! Сколько кричали об этом?! Машинистов давайте! Надо составы растаскивать.

Вблизи, у веерного депо, стояло несколько паровозов. Но машинисты все разошлись по квартирам. Что делать? Оглянувшись, Бубнов увидел бегущего к нему мешковатого и близорукого человека в круглых очках, в форме „истребителя", с винтовкой на ремне и противогазом через плечо. Это был слесарь Иван Богданов, коммунист, ушедший добровольцем в истребительный батальон. За ним бежал стройный синеглазый человек в такой же форме, тоже с винтовкой, Александр Дашкевич, работавший до войны директором магазина.

Они отдыхали в батальоне после занятий, когда началась тревога и над путями поднялся густой дым. Все бойцы бросились узкой тропинкой, огибающей озеро, к узлу. Богданов и Дашкевич опередили других.

— Цепочкой бегите, не кучей! — кричал им вслед командир.

Бубнов вспомнил, что Богданов ездил раньше помощником машиниста.

— Выручай, Ваня! — крикнул он.

— Как? Что надо делать?

— Вон паровоз, а машинистов нету. Веди. Надо растаскивать составы.

— Александр Михалыч! У меня же правов нет...

— Какие тут права! Ездил помощником? Ну и давай! Садись!

Раздумывать было некогда. Богданов бросился к паровозу. Следом за ним влез в будку Дашкевич, который вообще никогда еще в жизни не бывал на паровозе. Поставив в угол винтовки, оба принялись за дело.

— Ты, Саша, только за водичкой приглядывай, по стеклу, вот здесь, и топливо помаленьку подкладывай...—торопливо объяснял товарищу Богданов.

Он тронул регулятор. Пар есть. Можно ехать. Двинул машину. Вдруг за поручни схватились чьи-то руки. Показалось изумленное лицо машиниста-инструктора Данилова. Он только что прибежал из дому, задохся от бега.

— Ванюшка?! Ты как сюда попал? Давай, я машину поведу. А ты другой паровоз возьмешь. Дела хватит.

Богданов и Дашкевич спрыгнули с паровоза, быстро ушедшего к пожарищу. Друзья бросились к другой машине, но в будке столкнулись с влезающими с другой стороны двумя людьми.

— Кто такие?

— С этого паровоза. Бригада. Мы сперва испугались было, а теперь...

Вспыльчивый Дашкевич схватил говорящего за грудь.

— Испугались?! Раскрывай, Ваня, шуровку! Сейчас я их туда... трусов...

Но „трусы“ готовы были работать. Все вместе двинулись к месту катастрофы. Богданов и Дашкевич соскочили с паровоза Яркое пламя над горящими цистернами слепило глаза, душило непереносимым жаром. Визжа, проносились мимо осколки. Невольно пригибаясь, иногда припадая к земле, друзья с лихорадочной поспешностью стали отцеплять цистерны и прицеплять их к паровозу. Не имевший понятия о сцепке, Дашкевич быстро овладел этим делом. Предоставив бригаде увезти наличный состав, он и Богданов бросились к третьему паровозу, стоявшему поблизости. Но прежде чем они добежали до него, паровоз вдруг выпустил шумную прерывистую струю пара и двинулся с места. В ярком свете пожара Богданов увидел высунувшееся из паровозной будки взволнованное лицо дежурного по станции Симонова.

— Ванюха! Лезь скорей! — кричал он. — У меня ни черта не выходит!

И торопливо соскочил с паровоза. Брошенная машина продолжала, набирая скорость, двигаться к цистернам. Это грозило взрывом от сильного удара. Никогда еще в жизни не бегал Богданов так, как сейчас.

Сам Серафим Знаменский, пожалуй, отстал бы от этого мешковатого и подслеповатого человека, обремененного к тому же винтовкой и противогазом. Совершенно задохнувшись, Богданов догнал-таки паровоз, вскарабкался на него, дал контрпар, и катастрофа была предотвращена. Но все же передний брус крайней цистерны, подпрыгнув от смягченного удара, вскочил на автосцепку тендера. Какой-то военный, подскочив к паровозу, закричал:

— Безобразие! Что это за работа?!

Его резко отодвинул прикладом подоспевший Дашкевич, но тут же смущенно опустил винтовку. На петлицах военного поблескивали четыре шпалы.

— Извините, товарищ полковник... Не заметил.

Сверху на полковника глядело озаренное пожаром широкое бритое лицо Богданова с белесыми бровями.

— Я все-таки хоть немного сдержал...

Рядом с полковником Богданов увидел Кудрявцева.

— Ладно, Богданов! — крикнул начальник политотдела. — Давай что-нибудь делать, чтобы освободить путь! Полегоньку как-нибудь...

Тут же оказались Бубнов, Железнов и еще много людей. Смуглый черноглазый Архипов, тот самый художник-самоучка из

машинистов, который был директором Дворца культуры и организатором парка, открывшегося в день войны, влез на паровоз.

— Давай, я попробую.

— Нет уж... сам наехал, сам и съеду, — ответил Богданов.

И, поставив винт на задний ход, стал полегоньку осаживать. Чутье помогло ему так удачно рассчитать силу рывка, что тележка цистерны точно и довольно мягко упала опять на рельсы. Собравшиеся, в том числе и полковник и политотдельцы, даже зааплодировали.

— Молодец, Ваня!

Архипов поехал вместе с ними за кочегара. Полковник, смеясь, махнул им вслед рукой. Отвезя так удачно спасенные цистерны, Богданов снова вернулся. Паровоз слушался прекрасно.

— Давай, давай! Подкидывай уголек! Пошло дело!

Вновь прицепили вагоны, поспорив с полковником из-за числа их. Дашкевич соскочил и сам занялся прицепкой, прибавив к пяти вагонам с медикаментами, на немедленной отправке которых настаивал полковник, еще десятка два осей. Полковник влез на ступеньки паровоза и стал извиняться.

— Простите, товарищи... Погорячился немного.

Лицо его было мокро от пота, блестело в зареве.

Еще полтора десятка вагонов с важнейшим, драгоценным грузом было спасено из зоны огня. К паровозу подбежал молодой наркомвнуделец Андреев, бывший машинист, и предложил Богданову смениться. Тот согласился. Дашкевич протестовал было—уж очень ему по душе пришлось ездить на паровозе, но Богданов уже спрыгнул на землю. Снова увидав его и Дашкевича, полковник обрадовался им, как родным, и попросил поучить красноармейцев управляться с автосцепкой.

Андреев с Архиповым сделали на этом паровозе еще несколько рейсов и вывезли четыре состава. Последними увезли за шесть километров десяток цистерн...

Оставив паровоз, Андреев и Архипов пошли назад пешком. Издали казалось, что горит не только весь узел, но и город,—так широко было зарево и густ дымный полог.

Богданов с Дашкевичем продолжали расцеплять и сцеплять вагоны, отделяя неповрежденные от горящих. Вдруг невдалеке произошел сильный взрыв. Осколки так и защелкали по крышам и путям. Богданову показалось, что у него загорелась спина. Первая мысль была: облило горящим бензином! Но, притронувшись к спине рукой, он убедился, что одежда не горит, а ощущение

ожога было вызвано только толчком горячего воздуха. Кудрявцеву в этот же момент ушибло осколком ногу. Сильно прихрамывая, он пошел к третьему посту посмотреть, что делается там. Богданов и Дашкевич укрылись от осколков за кипятильником. Переводя дух, закурили.

К ним подошел Бубнов. Он успел за это время в самом пекле отцепить и прицепить к паровозам целых пять составов. Сильным взрывом его тоже отшвырнуло на несколько десятков шагов и бросило под вагон, крепко ушибив. Но он, поднявшись, не чувствуя боли и усталости, продолжал работать, отстаивая от огня бараки, компрессорную, штабели дров. Он умело расставлял людей, мобилизовал для растаски вагонов несколько паровозов, сам на них ездил. Было уже около полуночи. Наткнувшись на курящих Богданова и Дашкевича, Бубнов остановился на секунду и только тут почувствовал, как смертельно устал,

—Ну и ночка!—сплюнул Дашкевич.

—Девять десятых спасли уже, не меньше,—отозвался Бубнов.

—Можно было бы все уберечь!—с горечью воскликнул Богданов.

—Об этом завтра разговор будет,—сурово ответил Бубнов.—Кой-кому всыпят, будь покоен.

Дашкевич посмотрел на него искоса, нахмурившись.

—Раньше надо было всыпать,—проворчал он.

Бубнов ничего не ответил. Взгляды всех троих невольно обратились к небу. Окрашенный желтовато-багровым трепещущим светом дым растекся уже над всем городом. Розовыми точками мелькали на его зловещем фоне испуганно мечущиеся во все стороны голуби. Взрывы снарядов прекратились. Только где-то рвались патроны, точно кто-то с чудовищной быстротой ломал множество сухих веток или непрерывно трещала гигантская трещетка. Над путями стоял гомон множества голосов, шипение движущихся во всех направлениях паровозов, вой собак в городе, где тоже полыхало зарево за нефтяными баками.

Вдруг в небе послышался рокот мотора.

—Наш,—сказал кто-то.

—Кто его знает... —отозвался Бубнов, с тревогой вглядываясь в черно-багровый дым.

—Гляди! — схватил его за руку Дашкевич.

Справа, над болотом, взвилась красная ракета.

—Сигналит какой-то гад!

К ним подошли Симонов, тот самый, что не мог сладить с паровозом, и Кудрявцев.

—Беги в город,—говорил Кудрявцев Симонову, — и откуда хочешь доставай народ.

Со всеми организациями свяжись, чтобы дали людей. Надо сейчас же рыть канавы на той стороне. Видите? Нефть горит на земле! Весь город может погибнуть!

Все кинулись к пожарищу. Горело на путях, под вагонами. Горели одиночные вагоны, которые не удалось или уже не имело смысла вывезти. Горели шпалы. Языки светложелтого пламени исступленно плясали на большой площади. Струи паровозных шлангов были бессильны. Пламя пожирало их, превращало в облака пара. Занявшийся уже тушением огня на этом участке инженер-коммунист Сычов достал из сарая лопаты, роздал их, и несколько десятков человек яростно ринулись в атаку на огонь. Жмуря опаленные веки, отворачиваясь, кое-как прикрывая лица, стремительными рывками выбрасывали землю и ею же засыпали горящую нефть.

На Богданове не только рубаха, но и пиджак были мокры от пота. От невероятного жара мокрая ткань парила. Кожа лица и рук чуть не лопалась. А тут еще неразлучная винтовка на ремне, металлические части которой тоже стали горячими! Не лучше чувствовал себя и Дашкевич. Но оба, как и все, работали с остервенением. Канава росла на глазах. Путейцы—Сычов, молодой инженер Ращупкин, недавний колхозник, и другие—руководили работой, указывая, в каком направлении рыть. Благодаря

принятым мерам удалось спасти от огня нефтекачку, угольный склад и дрова, не говоря уже о городе.

С берега озера прибывали все новые и новые толпы людей с лопатами, топорами, кирками. Часть их помогала рыть канавы, другие вручную откатывали последние оставшиеся на этом участке вагоны и цистерны, к которым уже никак не могли подойти паровозы. Богданов, Дашкевич, его брат Павел, слесарь депо Бубнов, поездной вагонный мастер Н. Яковлев, заместитель начальника станции по коммерческой части Ширалев, вернувшиеся из последней поездки Архипов с Андреевым, сотни других с пылом занялись этим делом. Десятки рук подхватывали тяжелые вагоны, и они медленно катились во все стороны от пожарища. Могучая сила коллектива реяла над местом катастрофы, окрыляла каждого, связывала единой волей.

Неподалеку пылало деревянное здание товарной конторы. Огонь перебросился со стоящего рядом состава, который горел с обоих концов. Посредине остались невредимыми шесть большегрузных вагонов-ледников, вывезти которые не было возможности. Решили разгружать их вручную, в то время как прибывшая пожарная команда боролась с огнем. Сбили пломбы с вагонов—в них оказались ящики с печеньем и вобла. Обра-

зовав живой конвейер, принялись за разгрузку. Какой-то смельчак между тем вбежал в горящее здание конторы, нашел там пожарный рукав, открыл воду и стал бить по пламени изнутри. Другие оттаскивали в сторону сотни бревен и досок с соседнего лесного склада. И склад и контору отстояли. Богданов с Дашкевичем тоже занялись разгрузкой ледников. Но, разгрузив два огромных вагона, почувствовали, что больше не в силах держаться на ногах. В людях уже не было нужды: весь узел кишел ими. Почерневшие от копоти и жары, насквозь мокрые, оглушенные бойцы-истребители устало поплелись к себе в батальон, не подозревая, что эта ночь сделала их обоих орденоносцами.

* * *

В одной из самых опасных точек на узле оказался старший стрелочник Дмитрий Федорович Богатырев. Бомба, упавшая на его участке (несколько поодаль от других), угодила прямо в цистерну. Огромное желтое пламя взметнулось над цистерной, стремительно гоня перед собой горячую волну воздуха. От воспламенившейся на путях нефти стали взрываться соседние цистерны. Воздух над путями заскрежетал, заходил ходуном, прорезываемый во всех направле-

ниях множеством воющих, визжащих осколков. Взрывные волны срывали с некоторых вагонов крыши, выворачивали двери.

Нервы двух помощниц Богатырева не выдержали, и они бросились к болоту мимо прижавшегося к рельсам Цыбулько, а оттуда к себе в деревню.

Богатырев остался один. Внешность его мало соответствует фамилии: он маленький, почти щуплый. Скромное бритое лицо его сильно обветрено с удивительно спокойными, какими-то „озерными“ синими глазами.

Стрелочнику около сорока пяти лет. Он пришел на железную дорогу в 1922 году из деревни, был чернорабочим, грузчиком, а стрелками своего десятого поста заведует бессменно уже пятнадцатый год. Скромный, не склонный, видимо, к подвижности характер. Но сколько в этом рядовом бойце железнодорожной армии оказалось мужества, крепости, бесстрашия, готовности к самопожертвованию!

Когда Дмитрий Федорович услышал стоны раненых, пытающихся выбраться из санитарного состава, ползущих по путям,—у него, как он сам говорил потом, „закаменело сердце“ от ненависти к гнусному врагу, и в этом чувстве потонуло все: страх, растерянность, чувство самосохранения.

Появившийся Кудрявцев велел ему перевести стрелку, чтобы пропустить подъехав-

ший паровоз. На паровозе Богатырев увидел Богданова и Дашкевича. Забрав один из составов, они уехали. Стали подъезжать один за другим новые паровозы. Надо было каждому дать возможность подойти к составам, иногда после нескольких сложных маневров, а потом вывезти на свободный путь. И Богатырев один, без помощников все это проделал. Ему приходилось, не считаясь с опасностью, но ежесекундно ощущая ее и воочию видя, метаться между шестью ручными стрелками. Ни на единую лишнюю минуту не был им задержан ни один паровоз. Меньше чем через полтора часа все пути поста были освобождены от вагонов.

— Молодец, Дмитрий Федорович! — крикнул кто-то с паровоза, который увозил предпоследний состав.

Он успел заметить, что это паровоз ИС, а на площадке вагона увидел маневрового диспетчера Фому Сытова.

— За главного еду! На сто пятьдесят осей один! — крикнул Сытов и исчез в дыму и потоке искр.

Затем двинулся ФД, на котором Богатырев увидел машиниста Михаила Тулина, коммуниста, человека лет сорока, могучего сложения. Когда началась бомбежка, Тулин только что прибыл из поездки. Помощник и кочегар ушли, а он задержался на паровозе. Внезапным взрывом его сбросило с

„фартука“ на песок. Ошеломленный Тулин, еще лежа на спине, заметил уходящие самолеты. Посыпавшийся град осколков заставил его подняться и отскочить за паровоз. Стараясь успокоиться, он закурил одну папироску, потом другую, в то время как кругом все рвалось и грохотало. Поняв, наконец, что происходит, Тулин тотчас решил действовать и побежал на контрольный пост. Его встретил там взволнованный дежурный.

— Митрофанов! — сказал Тулин просто.— Надо же меры принимать!

— Давай, давай, Мишуха...

— Ты мне помощника и кочегара давай! Одному не управиться со всем.

— Сейчас подошлю. Иди.

Через несколько минут на паровоз поднялся помощник, не знакомый Тулину. Митрофанов сам перевел стрелки, и Тулин быстро вытащил первый состав. Чтобы скорее вернуться обратно, пересели на другой паровоз, стоявший на соседнем свободном пути. Подъехали к новому составу, но подойти вплотную мешала непереведенная автоматическая стрелка. Своими силами ее никак не удавалось разделать. К Тулину подбежал полковник, только что перед тем бывший у богдановского паровоза.

— Обязательно вытащите эти вагоны, товарищ механик! Немедленно! Если не вытащите—такое будет...

— Стрелка-то... видите?

— Немедленно выполняйте приказ!

— Только болты срубить и остается. Иначе не проедем. А проедем—оттуда не выедем.

— Рубите! Я отвечаю!

Тулин схватил молоток и зубило. На помощь ему подбежал машинист с другого паровоза. Вместе они срубили болты, перевели стрелку и, не теряя ни секунды, увезли большой состав в полторы сотни осей. После этого вывели из огня еще пять составов поменьше, вручную подкатывая и присоединяя к ним вагоны, стоящие в одиночку. У одного из таких вагонов дымилась крыша. Тулин бросился к полковнику.

— Товарищ полковник! Как бы беды не получилось. Осмотрите вагон. Что в нем?

Оторвали доски и увидели... ящики с патронами.

— Гляди, Михаил!—крикнул товарищ,— сейчас всех нас не будет.

— Ты не нагоняй паники, а тащи шланг с паровоза! Или давай я сам...

И Тулин, подбежав к ближайшему паровозу, схватил пожарный рукав, привернул гайку, подогнал паровоз поближе к вагону и быстро загасил тлеющую крышу. Его ФД между тем кто-то уже угнал. Пришлось сесть на новый паровоз.

Ведя последний состав, Тулин увидел огонь прямо перед паровозом, на самом

пути. Но выхода не было. Прибавив, сколько можно было, скорости, он ринулся через пламя. Под колесами трещали и хрустели пылающие доски, дым и искры от горящих шпал вихрем вились из-под колес. Но смелый маневр удался: последние вагоны были вывезены с пятого поста.

* * *

Еще пытались кое-где сопротивляться струям воды издыхающие языки огня, еще долизывало пламя черные скелеты отдельных вагонов и цистерн, еще разрывались кое-где патроны, а путейцы во главе с начальником дистанции пути коммунистом Иваном Максимовичем Сычовым, заместителем начальника станции Вальковым, инженером Ращупкиным и другими уже принялись лихорадочно исправлять повреждения. Им помогали сотни людей, не считаясь со специальностями. Убирали, стаскивали в кучи обгоревшие, дотлевающие шпалы, скрюченные, согнутые, еще горячие рельсы и швеллеры. Засыпали воронки от бомб. Выравнивали, настилали, восстанавливали путь.

Где-то в Берлине (как выяснилось на другой день) в эти самые минуты геббельсовские подручные скрипели перьями, строча сообщение о том, что „узел Б. стерт с карты СССР". Но еще не обсохли немецкие

чернила, еще не рассеялся дым от пожарища, а главный путь узла уже был восстановлен и по нему обычным порядком грохотали поезда, везущие к фронту людей, снаряжение, боеприпасы! Тридцать пять минут потребовалось для этого людям узла. Всего навсего! А через три часа были восстановлены уже все основные пути!

Раннее летнее солнце, выйдя, застало на путях узла Б. энергичное движение поездов и лишь следы разрушений: несколько десятков обгорелых вагонов и цистерн, кучи аккуратно собранных вдоль путей неразорвавшихся снарядов и осколков, обгорелых шпал, рельсов. Все это быстро хозяйственно убиралось. Правда, было и несколько человеческих жертв. Но основным оставался факт: несмотря на преступную беззаботность кое-кого из руководителей станции (за что они понесли заслуженное наказание), железнодорожная масса, рядовые советские люди в черных шинелях и фуражках со звездочками, соединенными со знаком паровоза, с честью вышли из грозного испытания, спасли узел и город, вывезли из опасной зоны огромное, подавляющее большинство вагонов, сохранили стране и армии миллионные ценности, в огне этой ночи закалили свое мужество и преданность Родине.

* * *

На следующий день в девять часов утра снова прорвались к узлу фашистские самолеты и сбросили бомбы. Они не причинили большого вреда узлу, но попали в стоящий у вокзала пассажирский состав с эвакуируемыми детьми. Были жертвы.

Павел Иванов, тот самый знаменитый котельщик, который не боится стоградусной жары, спокойный сорокалетний гигант с пытливыми серыми глазами, как раз шел в депо. Вместе с другими он бросился в канаву. Его осыпало комьями грязи, обломками досок, поцарапало лицо. Но уже через пять минут рабочие спокойно шли дальше. Предыдущая ночь не прошла даром. После нее уже казалась пустяком одиночная бомба.

Появились немцы и в следующую ночь. Зажигательная бомба попала в угольную эстакаду. Бывший неподалеку Михаил Тулин, паровоз которого встал на промывку, схватил пожарный рукав и стал заливать пламя. От паровозного кипятка медный брандспойт разогрелся так, что нельзя было его держать в руке. Тулин обвернул его паклей и успешно закончил работу вместе с Митрофановым, дежурным по депо. Отстояли и эстакаду и уголь.

На другой день у всех на устах было имя чернорабочего Гаврила Филипповича Гав-

риленко. Выехав для ремонта путей на шестой километр, бригада, в которую он входил, обнаружила на путях неразорвавшуюся фугасную бомбу крупного веса. Бригадир вызвал по селектору саперов, но они были заняты в другом месте и могли прибыть только через четыре часа. Не убрав бомбы, нельзя было ремонтировать путь. Тогда Гавриленко, дюжий парень с великолепной шевелюрой, стоящей как золотое сияние над сухощавым бритым лицом, взял веревку, осторожно и прочно обвязал бомбу и вместе с десятником Орловым оттащил ее в болото. Бомба могла взорваться ежесекундно и уничтожить смельчаков. Но их это не смущало. Прибывшие разрядить бомбу саперы нашли путь уже восстановленным.

В этот день к узлу прорывались только одиночные самолеты. Было сравнительно спокойно, и люди, измученные напряжением предыдущих ночей, отдыхали, спешили повидаться с семьями, вымыться, отоспаться.

Георгий Цыбулько особенно соскучился по семье, которая, как только начались бомбежки, переселилась в ближнюю деревню. Он был сравнительно недавно женат, жил с женой душа в душу, любил возиться с маленькой дочерью. Дав себе передышку, молодой инженер захватил не взятые семьей необходимые вещи, кое-что из еды и пошел пешком вдоль путей. Уже стемнело, но у

края горизонта еще оставалась светлая полоса, и на ее фоне Цыбулько вдруг заметил в отдалении две фигуры, склонившиеся над рельсами. Думая, что это работают обходчики пути, он спокойно приближался к ним. Темнота сгущалась. Чуткое ухо Цыбулько различило звук камешков, скатывающихся по насыпи, и осторожное звяканье лопаты. Это заставило его замереть на месте. Он бросил на землю вещи и стоял, прислушиваясь.

Сердце забилось учащенно. Не диверсанты ли? Что тогда предпринять? Рядом, в полукилометре, стоят зенитчики. Надо позвать их, так как сам Цыбулько безоружен. Но что, если уже подложена под рельсы мина и через какую-нибудь минуту пройдет поезд? Вдруг подувший в его сторону ветер донес ясно различимые слова:

— Ты стой здесь, а я на тот сектор...

„Сектор...“? Конечно, это не обходчики! И Цыбулько, стараясь не шуметь, бросился бегом к зенитной батарее. Тотчас лейтенант и восемь бойцов отправились с ним в путь. Цыбулько, не вооруженный, стоял поодаль и прислушивался. Кто-то из бойцов, подавая условный знак, крякнул уткой. Другой ответил. Потом раздался крик, сверкнули один за другим восемь револьверных выстрелов. В ответ грохнула винтовка. Кто-то застонал с ругательством. Бойцы схватили и связали обоих.

Через несколько минут Цыбулько увидел диверсантов в палатке при мигающем свете свечи. Один, с реденькой бородкой, был обут в лапти и старенькие онучи, каких не носят крестьяне в районе Б. уже более пятнадцати лет. Домотканые штаны, пестрядинная рубаха, пиджак—все отдавало дешевой бутафорией. При аресте красноармеец попал „мужичку" штыком в живот. Он был бледен. На рубахе выступила кровь. Лейтенант, наклонившись к свече, разглядывал отобранный у него документ: справку об эвакуации из колхоза „Красный путь" О-ского района и о направлении на работу в г. Киров, со всеми надлежащими подписями и печатями—очень ловко сфабрикованную фальшивку. Другой бандит, мускулистый, здоровый, с широким лицом и квадратным подбородком, был одет под пролетария: брюки, заправленные в сапоги, вышитая косоворотка, кепка.

У них отобрали два револьвера системы „Штейер", нож, банку сливочного масла, сыр, два кило галет и буханку черного хлеба, а в промасленной тряпице нашли небрежно скрученную пачку советских денег на большую сумму. Самым же главным были два продолговатых ящика с запальным шнуром. Негодяй уже успел подсунуть один под рельсы. Но бдительность Цыбулько сорвала их черный замысел.

Прибывший через несколько минут работник особого отдела, только взглянув на пойманных, усмехнулся:

— Ага! Попались-таки! Давно вас, голубчиков, ищем...

На другой день к вечеру фашисты снова сделали попытку разрушить пути. Но она им плохо удалась. Лишь одна бомба попала в цель, повредив четвертый пост и горловину около него. Рядом оказался сменявший лопнувший рельс дорожный мастер Яков Семенович Калинин, старик с сильной проседью в рыжеватых волосах, но такой силы и крепости в свои пятьдесят восемь лет, что многие молодые ему бы позавидовали.

Едва улеглась пыль от взрыва, Калинин уже взялся за ремонт. На помощь прибежали другие путейцы и военные. Через несколько часов по поврежденному участку открылось движение.

Те же самые фашистские самолеты, возвращаясь на базу, настигли в пути поезд, который вел Василий Иванович Иванов, примечательная фигура на узле Б. Будучи на два года моложе Калинина, он такой же крепыш, несмотря на маленький рост. Под седыми бровями светятся юмором и молодым задором карие глаза. Гладко выбритое лицо испещрено какими-то приятными глазу морщинками. Тридцать пять лет ездит Василий Иванович на паровозе. Настоящий

виртуоз своего дела, он воспитал за это время десятки замечательных машинистов.

— Никогда не рискуй! — говорил он своему напарнику Трунову. — Лучше пережди, если не умеешь накрыться.

Сам Василий Иванович артистически маневрирует, обманывая воздушного врага. Сколько раз уже налетали на него в пути фашисты! Высунувшись из будки, он внимательно следит за самолетом. „Голова прямо, как на шарнирах!“ — рассказывает он сам. Резкий рывок вперед — и бомбы падают позади состава. Так же резко „стоп!“ — и разворочен путь впереди, но паровоз невредим. Однажды, попав в такую переделку, Василий Иванович самостоятельно, силами поездной бригады, починил при мертвенном свете вражеских осветительных ракет путь и спокойно двинулся дальше, к фронту. На этот раз, рассчитав ветер, он выпустил густейшую дымовую завесу и сбил с толку врага. Бомбы упали рядом. Огромными комьями глины кое-где вмяло и пробило обшивку паровоза. Старшего кондуктора, бросившегося укрываться под вагон, вытащили оттуда без сознания, контуженного воздухом. Плакали навзрыд испуганные дети в вагонах. Многие, когда поезд остановился, выскочили и бросились в лес. Одному мать, успокаивая его, давала пить какой-то красный сок. Но ребенок все плакал. Василий

Иванович, проходя, остановился возле него, присел на корточки.

— Сынок, не вино ли? Мне не дашь? Дай! Я его вместе с бутылкой, вот так...

Ребенок засмеялся и, успокоенный, стал пить. Большие, очень серьезные серые глаза его доброжелательно смотрели в упор на „дедушку". Василий Иванович весело подмигнул мальчику, и от улыбки его морщины стали еще приятнее. Ребенок тоже улыбнулся, но тотчас опять стал серьезно, сосредоточенно тянуть красную жидкость, не отрывая глаз от лица старика.

Ясное небо голубело над головой. Еле уловимо перешептывалась узорная листва на ближних березках. Старый машинист вздохнул. До чего хорошо жить! И надо же этой коричневой напасти, оголтелому зверью так поганить эту жизнь! Скорей бы уложить их всех в могилу, проклятых!..

Он благополучно привел паровоз к месту назначения и сдал напарнику. А напарник Трунов на другое же утро „удружил": повезя порожняк, вздумал необдуманно рискнуть и попал прямо под бомбу. Взрывом ФД сбросило с пути. Пришлось вызывать семидесятипятитонный кран и поднимать машину. Такая досада взяла старика Иванова!

Но досада его потонула в гуле и грохоте

нового большого несчастия. В одиннадцать часов утра в этот же день при ярком свете солнца немцы произвели самый сильный из всех налетов на узел Б. Восемьдесят самолетов тремя волнами прошли над городом и не столько сбрасывали бомбы на пути, сколько на городские здания, в парки культуры, в озеро. Огромные водяные столбы взметнулись рядом со стоящим на самом берегу стареньким уютным домиком Иванова, выбили в нем стекла, закидали комнату грязью, илом и... свежей, еще чуть трепыхавшей хвостами и жабрами рыбой.

Пострадал от бомб в этот раз домик Петра Ниловича Степанова, над путями. Четыре огромные воронки образовались вокруг него. Два соседних дома были разрушены совершенно.

Когда началась эта бомбежка, Степанов был у сестры, в другом конце поселка. Там тоже ударило несколько раз, вырвало с корнем шесть больших елей, которыми обсажена была дорога, и бросило их на крышу, счастливо прикрыв дом от града осколков и камней. Одну молодую женщину швырнуло на соседний дом, оторвав ей ногу и ее телом проломив большую дыру в дранке крыши. Велев плачущим детям бежать в лес, Степанов сам бросился к узлу. Ползком пробираясь вдоль озера, через изуродованный парк, Петр Нилович обратил внимание

на огромный, вековой дуб. Он был расщеплен донизу. А рядом с дубом каким-то чудом уцелела зелененькая дощечка с надписью: „Граждане, берегите зелень!"

Над городом стоял густой дым. Пылало много домов. Частично разрушено было несколько лучших каменных зданий. То, что люди с любовью создавали годами, озверевшие мерзавцы с легким сердцем уничтожили в течение секунд.

Те же люди, о которых уже было рассказано, и сотни других показали себя героями и в этот тяжелый день. Но разве расскажешь обо всех?

Сероглазая веселая девушка Клава Галузина, бесстрашно выполнявшая свои обязанности дежурного по станции... Старый слесарь Адам Россаль, участвовавший в спасении вагонов... Пожарный М. Цветов, быстро отстоявший свой загоревшийся дом и тем спасший целую улицу, в то время как были ранены его жена и ребенок... Молодой машинист комсомолец Панкратов, который, вымокнув до нитки во время борьбы с огнем, тут же, не переодеваясь и не отдыхая, повел дальний поезд... Молоденькая телеграфистка Валя Абрамова, ни разу во время тревог не ушедшая с поста, не укрывшаяся в убежище... Энергичный и храбрый заместитель начальника станции Вальков, бригадир Федосихин, составитель поездов

Николаев, секретарь партбюро Георгий Игнатьев, которые, когда понадобилось, встали на паровозы в качестве машинистов и помощников... Машинисты Кононов, Кубышкин, Мануйлов, Травников и многие другие, также бесстрашно работавшие в эти дни и работающие сейчас на боевых перегонах... Сигналист В. Шорников, не покинувший опасного поста на башне ни в одну из тревог... Другой сигналист В. Тимашов, два с половиной часа не уходивший с поста и работавший, будучи тяжело ранен в голову осколком... Машинист Дедов, бессменно днем и ночью работавший десять суток под ряд... Комсомолец Иван Грачев, простоявший у реверса неделю... Котельщики— уже упоминавшийся П. Иванов, А. Григорьев и другие,—производящие „горячий ремонт" и тем сберегающие сотни и тысячи часов пробега паровозов... Десятки и сотни замечательных стахановцев военного времени на всех участках сложного железнодорожного механизма, „двусотников", „трехсотников", ударников военной учебы... Все это — бесчисленные штрихи одной и той же величественной картины общенародного патриотизма, общенародной доблести!

Мне пришлось быть на узле Б. спустя месяц после этой боевой недели. Налеты фашистских стервятников больше не повторялись в таких масштабах. Резко усилилась

оборона узла, резко выросли дисциплина и организованность. Узел работал бесперебойно и четко, как хорошие часы, хотя фронт стал еще ближе. Уже не было и тени суеты во время частых тревог. Люди трудились, каждый на своем посту, сосредоточенно и спокойно, научившись владеть собой, быть подлинными бойцами. Июльская неделя не прошла для них даром.

Что такое узел Б.? Лишь точка на гигантской карте СССР. Помножьте мысленно все рассказанное здесь на десятки и сотни тысяч таких же точек, рассеянных по необъятным просторам нашей великой Родины, и вам не смогут не вспомниться дышащие непоколебимой верой в силы рабочего класса слова Ленина: „всякий раз, как создается трудное положение для Советской республики, рабочие проявляют чудеса храбрости, своим примером ободряют и воодушевляют войска и ведут их к новым победам“ [1].

Так было в годы, когда писал это Ленин. Так это и сейчас. Великий народ могучей советской страны не может не победить, как бы тяжела и длительна ни была борьба.

---

[1] Ленин. т. XXIV, стр. 467.

Через смерть и разрушения, пожары и бедствия мы прорвемся к победе, как прорвался сквозь пламя, сквозь град смертоносных осколков, сквозь ураган искр и дыма паровоз коммуниста Михаила Тулина!

Новосибирская областная
ОРА
Инв. 344522

Редактор **М. Х. Данилов**

Подписано к печати 1/V 1942 г. Формат бум. 60×62$^{1}/_{32}$.
Объем 1$^{7}/_{8}$ п. л. Зн. в 1 п. л. 42 240.
Л 44867. ЖДИЗ 75 001. Зак. 330. Тир. 10 000 экз.

8-я тип. Трансжелдориздата НКПС.

1 р. 25 к.